

А. А. Федотова

Мотив телесности в очерке Н. С. Лескова «Русские деятели в Остзейском крае»

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта «Поздний Н. С. Лесков: научная подготовка к изданию художественных и публицистических произведений 1890-х годов» (грант № 15-04-00192)

Статья посвящена актуальной проблеме анализа изображения человеческого тела в русской литературе XIX в. Исторический очерк Н. С. Лескова «Русские деятели в Остзейском крае» (1882) рассматривается в ней как сложное художественное единство, в основе которого лежит диалог нескольких дискурсивных систем. Смысловое и стилистическое пространство произведения формируется в результате сопряжения писателем исторического документа, художественного произведения и сакральных текстов. В статье выявляется, что парадоксальность очерка, в котором документальный материал соединяется с авторским вымыслом, факты оборачиваются мистификацией, а «чужое» становится «своим», во многом определяется вниманием писателя к изображению различных сторон человеческого тела. При использовании архивного материала (письма Ю. Ф. Самарина 1848 г.) Лесков выбирает стратегию не точного воспроизведения, а парафраза. Писатель подвергает исходный текст редукции и вводит в очерк новый, отсутствующий в претексте, фактический материал, благодаря чему в тексте появляется мотив телесности. Разнообразные проекции человеческого тела (тело чувственное, травмированное, сакральное), представленные в очерке, объединяются их функцией в произведении писателя. Телесные образы, показанные в «Русских деятелях в Остзейском крае» как различные варианты отклонения от социальной нормы (тела-канона), становятся маркером актуализации в тексте неофициальной, частной сферы жизни человека.

Ключевые слова: Лесков, телесность, интертекстуальность, Самарин, Достоевский, «Исторический вестник».

А. А. Fedotova

The «Body Discourse» in Nicolay Leskov's Historical Publicism

The article raises the urgent problem, which is to analyze the «body discourse» in the 19th century Russian literature. In the article Leskov's historical essay «The Russian Statesmen in Ostzeisk Land» (1882) is examined as a complex artistic unity, formed on the basis of a dialogue of several discourse systems. Semantic and style features of the essay are the result of the historical document, the art creation and the sacral text integration. It is found out that the main paradoxes of the essay, in which Leskov connects fiction and non-fiction, facts and mystifications, are linked mainly with the «body discourse». Publishing the archive material (Yuri Samarin's letter written from Riga in 1848) Leskov chooses the strategy of a paraphrase. The writer reduces the original letter and adds to the sketch the new events, connected with the human body's representations. The different projections of the «body discourse» (a sensual body, an injured body, a sacral body) are joint due to their functions in the essay. The human body's representations depicted by Leskov as different variants of deviation, become the markers of the human's private life.

Keywords: Leskov, corporality, publicism, intertextuality, Samarin, Dostoevsky, «Historical Messenger».

Тело как культурный феномен оказывается в фокусе внимания гуманитарных наук начиная с 1960-х гг. по мере идущих в обществе перемен. Открытию новых измерений телесности способствовали работы нескольких поколений философов (исследования Ф. Ницше, З. Фрейда, Э. Гуссерля, Ж. Лакана, М. Мерло-Понти, Ж. Делеза, Ф. Гваттари, Ж. Батая и в особенности М. Фуко). Их труды вызвали интерес гуманитарной науки к изучению телесности в различных дискурсах, в том числе и в литературных текстах разных эпох. В отечественной традиции образцом исследования телесного дискурса в литературе является труд М. М. Бахтина «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса» (1965), но активно телесная проблематика начина-

ет разрабатываться у нас только в 1990-х гг. [4; 9; 14]. В последние годы исследователи обратились к изучению телесного измерения русской литературы второй половины XIX в., в особенности творчества Л. Н. Толстого [5; 8]. Между тем и работы других писателей могут дать интересный материал для анализа функционирования телесного дискурса в русской классике, что и будет продемонстрировано в данной статье на примере очерка Н. С. Лескова «Русские деятели в Остзейском крае» (1882) [3].

«Русские деятели в Остзейском крае» были написаны в годы сотрудничества Лескова с журналом С. Н. Шубинского «Исторический вестник». Для издания, целью которого было «знакомить читателей в живой, общедоступной форме с со-

временным состоянием исторической науки и литературы в России и Европе» [13], писатель создал ряд произведений, в основе которых лежат архивные документы. «Русские деятели в Остзейском крае» позиционируются автором как первая публикация письма Ю. Ф. Самарина 1848 г. Публикуемое Лесковым письмо примыкает к знаменитым «Письмам из Риги», которые были созданы Самариным в 1849 г. Оно посвящено рассказу о первых неделях пребывания в Остзейском крае генерал-губернатора А. А. Суворова (внука знаменитого генералиссимуса). В духе философии и идеологии русского славянофильства Самарин включает в письмо резкую критику деятельности князя Суворова, который, по мнению автора, поддерживал немецкое дворянство в ущерб интересам православных и русских жителей имперской окраины.

В ходе переработки письма Лесков подвергает исходный текст редукции, а также вводит в очерк новый фактический материал. Обращаясь к Шубинскому, Лесков дал произведению следующую характерную аннотацию: «...статья по письму Самарина написана <...> живая, полуисторическая, полуполемическая, со введением некоторых <...> анекдотов» [4, с. 262]. Мотив телесности появляется в приводимых писателем анекдотах благодаря актуализации трех основных дискурсов: автобиографического, художественно-публицистического и сакрального.

1. *Автобиографический дискурс.* Цитаты из письма Самарина чередуются в произведении Лескова с автобиографическими фрагментами, которые позиционируются как воспоминания писателя. Так, слова Самарина о том, что Суворов, «узнав, по случаю просьбы одной Еврейки, что обращающимся в христианство Жидам выдается от казны 30 рублей серебром, разразился упреками» [7, с. 273], Лесков дополняет следующими подробностями: «Крестились за эту цену по преимуществу <...> проститутки еврейского происхождения <...> и молодые ребята, избегавшие рекрутской повинности <...> последние, приняв православие <...> открывали тайные или явные притоны разврата» [3, с. 151]. Писатель добавляет, что «Известная в Киеве “Андреевская гора” вся сплошь была заселена “православными пансионами”, где и “директрисы”, и “институтки” – все были “новокрещенные еврейки по 30 рублей за штуку” <...> А привилегированною крещальнею этих христианок была Андреевская церковь, в которой <...> каждое воскресенье собирались “срамные крестьбины, где (по местному выраже-

нию) и хрестны батьки с матерями, и дочерки уси были скоромнии”» [3, с. 152]. Цитату из самаринского письма «Суворов сказал двум раскольникам, просившим об освобождении их сыновей от рекрутства: “Какие у вас сыновья, когда у вас собачьи свадьбы”» [7, с. 145] Лесков также контактирует с авторским текстом: «Во все время его (Суворова – А. Ф.) здесь управления все русские замужние женщины “старой веры” писались в бумагах “блудными девками, имеющими детей” <...> Удостаивая своим посещением только одну, пользовавшуюся большим уважением сограждан, даму-староверку, Суворов <...> изволил шутить: “Нынче заедем и к блудной девке”» [3, с. 154].

Изображение тела в автобиографических фрагментах стилистически снижено, что связано с введением нелитературной лексики: диалектизмов («хрестны батьки с матерями») и вульгаризмов («блудная девка», «собачьи свадьбы»). Сопряжение самаринского и собственно авторского текста происходит одновременно на двух уровнях: размышлениям славянофила о «чувствах приверженности к Православной Церкви и к народности» писатель противопоставляет описание «срамных крестьбин» [3, с. 150], а высокому книжному стилю самаринского дискурса – разговорную речь. Совмещение высокого и низкого влечет за собой возникновение иронического эффекта. Появляющаяся в процессе наложения двух текстов ирония имеет разновекторный характер: она направлена и на создаваемый в очерке образ князя Суворова, и на цитируемое письмо Самарина.

Телесный дискурс представлен писателем в категориях телесного низа, что характерно для народной смеховой культуры. Тело предстает в очерке Лескова воплощением неофициальной стороны человеческой жизни, специфичную комичность которой писатель противопоставляет официальной риторике, выраженной в письме Самарина. Актуализация мотива телесности позволяет писателю вступить в полемику с «партийностью» (выражение Лескова. – А. Ф.) одного из главных теоретиков русского славянофильства и указывает на неоднозначность положения православия в пограничных районах Российской империи, спорность требования Самарина о скорейшем обращении жителей Остзейского края в православие.

2. *Художественно-публицистический дискурс.* При пересказе письма Лесков дополняет исходный текст не только собственно авторским, но и «чужим» словом. Писатель обращается к тексту «Записок из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского

и приводит анекдот о чтении «Артуром Бенни (сыном лютеранского пастора), <...> Василием Ал. Слепцовым, <...> Варфоломеем Зайцевым» [3, с. 206] и другими молодыми людьми только что вышедшего из печати цикла очерков: «Чтение дошло до того эпизода, где Достоевский рассказывал о начальнике, который, в видах особенного своего удовольствия, наказывал каторжных розгами с особенным приступом. Арестанта обнажали, растягивали на земле и заставляли лежать с голой спиной читать вслух молитву Господню. Арестант, разумеется, повиновался, – читал, и когда он произносил: «Отче наш, иже еси на небеси» – начальник подхватывал: “А ты ему поднеси!” И с этим вместе пучки розог начинали свистать...» [3, с. 207]. При пересказе произведения Достоевского Лесков контаминирует два различных эпизода претекста: описание поручика Жеребятникова, «до страсти любившего сечь и наказывать палками» [2, с. 456], и контрастный ему рассказ о «добрейшем» [2, с. 461] поручике Смекалове. Лесков цитирует следующий фрагмент описания Смекалова: «Нет уж, брат, ложись, чего уж тут...» – скажет Смекалов; арестант вздохнет и ляжет. “Нутка, любезный, умеешь вот такой-то стих наизусть?” <...> После первой строчки известных стихов арестант доходит, наконец, до слова: “на небеси” <...> “Стой!” – кричит воспламененный поручик и <...> кричит: – А ты ему поднеси!» [2, с. 460].

Использование для передачи текста Достоевского нарратизированного дискурса дает Лескову возможность для интеграции и интерпретации «чужого» слова. Трансформация исходного текста происходит в трех основных направлениях: писатель редуцирует диалог поручика и арестанта, необходимый Достоевскому для речевой характеристики «своего» среди заключенных начальника, атрибутирует «затушеванную» в оригинале цитату и заостряет момент телесного наказания. Нагнетание физиологических деталей, отсутствующих в претексте («арестанта обнажали, растягивали на земле», «лежа с голой спиной» [3, с. 207]), позволяет писателю создать подчеркнуто материальный образ истязаемого человеческого тела. В «Записках...» Достоевский сглаживает кощунственный, по сути, характер описываемого им действия, используя перифраз «известный стих» и ироническую авторскую ремарку: «Радуетя Смекалов <...> что вот как же это он так хорошо придумал <...> и кстати и в рифму выходит» [2, с. 461]. Лесков, благодаря продублированному указанию на сакральный текст («молитва Господня», «Отче

наш, иже еси на небеси» [3, с. 207]), углубляет амбивалентность изображаемого им действия. Направление трансформации исходного произведения обнаруживает стратегию работы писателя с телесным дискурсом: Лесков, как и при использовании автобиографических фрагментов, сопрягает телесное и сакральное, а рождающийся при этом комизм балансирует на грани святотатства.

Писатель максимально заостряет контраст между процессом истязания арестанта и святым смыслом основной христианской молитвы. Значимым для Лескова оказывается реакция внутри-текстовых читателей «Записок», обнаруживающая двойственность рассказываемого им «анекдота»: «Слепцов расхохотался и, подхватив маленького, щуплого Варфоломея, поднял его как бы в жертву поднесения <...> но в это же мгновение из спальни раздался мучительный истерический вопль Бенни» [3, с. 208], на которого «молитва Господня в таком богохулительном применении произвела ужасное впечатление» [3, с. 208]. В идеологическом же плане очерка диаметрально противоположное отношение к священному тексту студентов разного происхождения является важным критерием в полемике Лескова с Самариным о сущности национального немецкого и русского характеров, который позволяет автору сделать заключение о «различии, во имя разницы которого можно не укорять их одного другим и не наказывать одного «предпочтением природы другого» [3, с. 209].

3. *Сакральный дискурс.* Своеобразной кульминацией очерка «Русские деятели в Остзейском крае» является приводимый Лесковым в финале произведения рассказ о беседе двух «старчиков» – староверов и кольпотера (книгоноши) Библейского общества Генриха Ивановича. Дискуссия старообрядцев и протестанта представлена в очерке как спор о «лучшей» вере, в ходе которого его участники обращаются к священным для них текстам. Лесков называет в качестве сакрального для лютеран произведения Евангелие, для старообрядцев – «Луг Духовный» и «Историю Выговской старообрядческой пустыни» Ивана Филиппова [10]. Образы человеческого тела возникают в отсылках к священным текстам раскольников. Показателен выбор писателем фрагментов для цитирования. В уста «старчиков» Лесков вкладывает отрывки из аскетической литературы, в которых описывается процесс умерщвления плоти: «...в “Луке Духовном” читается, яко и смрад женский юной вдове угоден был ко спасению ее от блудного беса» [3, с. 217]; «Евдокия воды на главу, живучи во общежительстве, и на ноги не возливала во

всю жизнь свою, а вшей у себя не имела и о сем вельми плакаше, что будут в будущем веке вши, аки мыши» [10, с. 353].

В новом контексте цитаты из священных для староверов текстов приобретают несвойственное им комическое звучание. Комический эффект рождается, прежде всего, на стилистическом уровне, он возникает благодаря введению архаической лексики и синтаксиса в текст, написанный нейтральным литературным языком. Помимо этого, Лесков прибегает и к комизму положений. Писатель указывает в очерке на реакцию Генриха Ивановича, «необыкновенно чистенького <...> старичка <...> в безукоризненной белизны огромных воротничках» [3, с. 212] после чтения «Истории»: Генрих Иванович «пошел в реку купаться, и долго, долго нырял и плавал, как пингвин <...> во время чтения о блаженной Евдокеи немцу по ассоциации идей стало казаться, будто на него из самой книги ползут уже такие крупные вши, «как мыши» [3, с. 219].

Лесков игнорирует духовное содержание сакрального в среде раскольников произведения, в новом контексте востребованной оказывается физиологическая сторона подвига праведниц. Предельное «обытовление» сакрального дискурса связано с появлением в очерке оппозиции телесной нечистоты и опрятности. С точки зрения идейного аспекта произведения материально осязаемое отличие староверов от лютеранина является для писателя основанием для вывода о безосновательности того безусловного предпочтения одной нации другой, на котором настаивает Самарин в духе идеологии славянофильства. Теоретизированию Самарина, который рассматривает соотношение русского и немецкого характеров в контексте проблем национальной политики Российской Империи, Лесков противопоставляет «реальный» житейский случай, абстрактному размышлению – «телесное» свидетельство «очевидца».

Очерк Лескова «Русские деятели в Остзейском крае» представляет собой сложное единство, в основе которого лежит диалог нескольких дискурсивных систем. Смысловое и стилистическое пространство произведения формируется в результате сопряжения писателем исторического документа, художественного произведения и сакральных текстов. Парадоксальность очерка, в котором документальный материал соединяется с авторским вымыслом, факты оборачиваются мистификацией, а «чужое» становится «своим», во многом определяется вниманием писателя к изображению различных сторон человеческого тела.

При публикации архивного материала Лесков в свойственной ему манере выбирает стратегию не точного воспроизведения исходного текста, а парафраза: цитатный дискурс в очерке уступает место дискурсу транспонированному (дискурсу косвенной речи). Телесные образы, появляющиеся в очерке, функционируют в качестве основных мотивов и объединяют в единое целое разнообразные «картины» времен деятельности князя Суворова, приводимые Лесковым. Абстрактное в первоисточнике (письме Самарина) противопоставление русского и немецкого характеров Лесков трансформирует в противопоставление, до предела конкретное, этим пределом для писателя оказывается человеческое тело.

Ирония Лескова нарушает синтаксическую структуру самаринского дискурса: из области идеальных спекуляций она переводит его в плоскость чувственности, из области абстракций – в область чистой телесности и фактичности. Разнообразные проекции человеческого тела (тело чувственное, травмированное, сакральное), представленные в очерке, объединяются их функцией в произведении писателя. Телесные образы, показанные в «Русских деятелях в Остзейском крае» как различные варианты отклонения от социальной нормы (тела-канона), становятся маркером актуализации в тексте неофициальной, приватной сферы жизни человека.

Библиографический список

1. Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и ренессанса [Электронный ресурс] / М. М. Бахтин. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Baht/intro.php
2. Достоевский, Ф. М. Записки из мертвого дома [Текст] / Ф. М. Достоевский. – М.: Лексика, 1996. – С. 281–558.
3. Лесков, Н. С. Русские деятели в Остзейском крае [Текст] / Н. С. Лесков // Иродова работа. – СПб.: Пушкинский дом, 2010. – С. 392–439.
4. Лесков, Н. С. Собрание сочинений: в 11 т. Т. 11 [Текст] / Н. С. Лесков. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958.
5. Лукьянец, И. В. О проблеме телесности в творчестве Толстого (компаративный аспект) / И. В. Лукьянец // Русская литература. – 2010. – № 4. – С. 80–88.
6. Подорога, В. Феноменология тела. Введение в философскую антропологию [Текст] / В. Подорога. – М.: Ad Marginem, 1995.
7. Самарин, Ю. Ф. Сочинения. В 12 т. Т. 12 [Текст] / Ю. Ф. Самарин. – М.: Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1911. – С. 271–277.

8. Сливицкая, О. В. Истина в движении [Текст] / О. В. Сливицкая. – СПб.: Амфора, ТИД Амфора, 2009.
9. Тело в русской культуре [Текст]: сборник статей / сост. Г. Кабакова и Ф. Конт. – М.: Новое литературное обозрение, 2005.
10. Филиппов, И. В. История старообрядческой Выговской пустыни [Текст] / И. В. Филиппов. – СПб.: Издание Д. Е. Кожанчикова, 1862. – С. 352–355.
11. Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы [Текст] / М. Фуко. – М.: Ad Marginem, 1999.
12. Фуко, М. Забота о себе. История сексуальности [Текст] / М. Фуко. – Киев, М.: Дух и литера, Грунт, Рефл-бук, 1998.
13. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона [Текст]. – СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1890–1907.
14. Ямпольский М. Демон и лабиринт (Диаграммы, деформации, мимесис) [Текст] / М. Ямпольский. – М.: Новое литературное обозрение, 1996.
4. Leskov, N. S. Sobranie sochinenij: v 11 t. T. 11 [Текст] / N. S. Leskov. – М.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1958.
5. Luk'janec, I. V. O probleme telesnosti v tvorcestve Tolstogo (komparativnyj aspekt) / I. V. Luk'janec // Russkaja literatura. – 2010. – № 4. – S. 80–88.
6. Podoroga, V. Fenomenologija tela. Vvedenie v filosofskuju antropologiju [Текст] / V. Podoroga. – М.: Ad Marginem, 1995.
7. Samarin, Ju. F. Sochinenija. V 12 t. T. 12 [Текст] / Ju. F. Samarin. – М.: Tovarishhestvo tipografii A. I. Mamonova, 1911. – S. 271–277.
8. Slivickaja, O. V. Istina v dvizhenii [Текст] / O. V. Slivickaja. – SPb.: Amfora, TID Amfora, 2009.
9. Telo v russkoj kul'ture [Текст]: sbornik statej / sost. G. Kabakova i F. Kont. – М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2005.
10. Filippov, I. V. Istorija staroobradcheskoj Vygovskoj pustyni [Текст] / I. V. Filippov. – SPb.: Izdanie D. E. Kozhanchikova, 1862. – S. 352–355.
11. Fuko, M. Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tjur'my [Текст] / M. Fuko. – М.: Ad Marginem, 1999.
12. Fuko, M. Zabota o sebe. Istorija seksual'nosti [Текст] / M. Fuko. – Киев, М.: Duh i litera, Grunt, Refl-buk, 1998.
13. Jenciklopedicheskiy slovar' F. A. Brokgauza i I. A. Efrona [Текст]. – SPb.: Brokgauz-Efron, 1890–1907.
14. Jampol'skiy M. Demon i labirint (Diagrammy, de-formacii, mimesis) [Текст] / M. Jampol'skiy. – М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 1996.

Bibliograficheskiy spisok

1. Bahtin, M. M. Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaja kul'tura srednevekov'ja i renessansa [Elektronnyj resurs] / M. M. Bahtin. – Rezhim dostupa: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Baht/intro.php

2. Dostoevskij, F. M. Zapiski iz mertvogo doma [Текст] / F. M. Dostoevskij. – М.: Leksika, 1996. – S. 281–558.

3. Leskov, N. S. Russkie dejateli v Ostzejskom krae [Текст] / N. S. Leskov // Irodova rabota. – SPb.: Pushkin-skiy dom, 2010. – S. 392–439.